

Заметки с выставки

Не будучи искусствоведам, беру на себя смелость сказать, что вологодские художники нынче существенно потеснили на культурном поприще вологодских литераторов. Доказательством тому могут служить регулярно сменяющие друг друга выставки. В картинной галерее, в Русском Доме, в краеведческом музее, в областной библиотеке. Возникает ощущение, что в Вологде уже не хватает выставочных помещений. Появилась здоровая конкуренция между организаторами выставок, а с нею и но-

вые придумки, и новые возможности показать самые разные работы от "наива и примитива" и до серьезных философских раздумий, выраженных в самых разнообразных художественных стилях и жанрах.

От вернисажей одной картины до больших персональных выставок, от школьных уроков в выставочных залах и до концертов лучших музыкантов на фоне полотен мастеров разных времен и стилей - все это делает культурную жизнь Вологды богаче и разнообразнее.

На его полотнах - любовь к людям

Наши художники достойно смотрятся не только у себя дома, но и на вернисажах Москвы и Санкт-Петербурга, а многие их работы побывали на выставках в таких взыскательных центрах искусств, как Испания, Германия, Бельгия, Голландия. Вот и теперь персональная выставка А. Баканова с успехом путешествует по маршруту Рим - Милан - Генуя - Болонья - Неаполь.

Мне хочется поделиться впечатлениями от большой персональной выставки работ Михаила Копьева, приуроченной к пятидесятилетию художника. С Вологодчиной его связывают многие годы активной творческой работы. Давней и верной его любовью был и остается театр. Там был он не просто художником, но и активным соавтором драматургов и режиссеров: спектакли шли не только в его декорациях, но и с его песнями, с придуманными им мизансценами.

Вероятно, театральный мир сформировал в художнике своеобразные ощущения, в которых реальность удивительно органично переплетается с условностью, а ограниченность выразительных средств заставляет быть предельно лаконичным в их выборе и в то же время уметь использовать эти средства до конца.

Нет возможности в краткой рецензии рассказать обо всех выставленных картинах. На меня особое впечатление произвело полотно "Слушатели эха". Семь библейских старцев-мудрецов в своей жизни уже произнесли свое Слово, а теперь кто с надеждой, а кто и с тревогой слушают, "...как Слово наше отзовется..." Снежно-белые, с едва заметным розоватым оттенком дальние облака как бы символизируют чисто-

ту и романтизм их изначальных помыслов, а темный холм и засохшее корявое дерево говорят о превратностях человеческих дел и судеб...

Что хотят старики услышать и понять? Мне показалось, что слушают они не Звук, а Время... Сдвинуты на лоб ненужные очки, а в глазах - непоколебимая вера и воля: такого жизнь ни в чем не смогла переубедить. Глаза другого устремлены вдаль, немошно свисают натруженные руки, плотно сжат беззубый рот: этот ждет отзвука с тревогой и надеждой. Над всеми возвышается голова философа с большой белой бородой. На его лице - печать душевного покоя и отрешенности: "Все в мире уже было, и нам мало что дано в нем изменить! Главное - быть в ладу с собственной совестью, и тогда Время не властно над душой".

Чем-то от фантазий Александра Грина, от музыки Равеля, на мой взгляд, навеян замысел картины "Арфа юго-восточного ветра". Седой, слепой человек рад и звуку струн фантастической арфы, и звуку обычного дверного колокольчика, возвращающего его из мира воображаемого в мир реальный. Глядя на картину, веришь, насколько может звук заменить человеку незрячему другие каналы общения с большим миром. Звук арфы эхом отзывается в душе его.

Около картины "Реквием" на выставке всегда зрители. Палач в красном балахоне на скрипке исполняет реквием по жертве, прикованной к позорному столбу. Я спросил у художника: "А почему и жертва тоже одета в красное?" И услышал поразивший меня ответ: "Жизнь - вещь сложная: сегодня я - палач, а ты - жертва, а

завтра - я жертва, а ты - палач..."

Пересказывать содержание картин, тем более таких сложных, как у Копьева, - дело неблагодарное: их нужно видеть. Но о тех ассоциациях, которые они вызывают, стоит, вероятно, сказать.

Кто же он, художник Михаил Копьев: реалист, натуралист, символист, романтик? Мне показалось: от реализма взял он высокие идеалы человечности, душевную открытость, содержательность. Его реализм показывает нам то, что мы не видим, мимо чего мы обычно проходим. От натурализма художник воспринял удивительную способность увидеть и изобразить на полотне внутреннюю суть людей, достигая при этом самого глубокого портретного сходства своих героев. От символизма - решимость, энергию, умение туго затянуть пружину сюжетов, доводя их порой до абсурда. Наконец, от романтиков - богатство фантазий, лиричность и любовь к своим героям. Со всем не случайно задерживаются зрители около портрета матери художника: сколько же добрых чувств и нежности вложил в него любящий сын!

Многие картины на выставке вызывают определенные музыкальные ассоциации. Что-то вагнеровское звучит в картинах "Безмолвие" и "Сон", что-то - из Верди, когда смотришь на картину "Возвращение блудного сына", что-то опереточное - из Кальмана, когда останавливаешься у "Представление начинается". "Сон после дождя" и "Тебе принадлежит мир" лиричны, как музыка Чайковского, "душевно открыты", как фортепьянный концерт Эдварда Грига.

Мелодическое и темброво-гармоническое богатство ассоциаций на этой

выставке поразительно! Глядя на "Портрет Ю. К.", нельзя не вспомнить Маяковского: "...А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?"

Художник подобен актеру - он удивительно перевоплощается в своих творениях. Порою кажется, что полет его фантазии бесконечен. И при этом приходится признать, что полифоническое звучание картин, порой столь разных по жанру и стилю письма, не мешает увидеть то, что объединяет творчество Михаила Копьева в единое целое. Это главное - синтез духовного мира человека, где внутренняя свобода и нравственность не противостоят друг другу.

Говорят, что для многих людей искусства разгадка тайны творческих исканий лежит в раздвоении личности, в противоречиях между их философией и формой выражения их мироощущений. Но, скажем, никакой дар колориста и рисовальщика не может скрыть философскую бедность художника. Еще более печален итог, когда серьезные темы автор пытается выразить примитивными художественными приемами. Талант истинный как раз и заключается в том, чтобы содержание и форма творения были органически связаны между собой, достойны друг друга. Именно такое единство, как мне кажется, отличает творчество Михаила Копьева.

Рецензия была бы односторонней, если бы в ней не было элементов критики. Мне показалось, что в некоторых полотнах автор повторяется в деталях. Так, например, мастерски выписанные облака становятся общим местом в ряде весьма серьезных полотен. Дважды повторяется на выставке мотив стула, стоящего на одной ножке. Еще чаще - мотив скал и искореженных засохших деревьев. Менее убедительными, несколько выпадающими из общего тона выставки показались мне немногочисленные пейзажи.

В ряде работ кажутся излишними аккуратно выписанные детали, не работающие на сюжет полотна. Но когда смотришь на "Портрет отца Василия", понимаешь, что художник умеет отказаться от традиционной для многих модных портретистов детализации: в картине нет ничего лишнего, и только глаза, взглядом обращенные в свой внутренний мир, заставляют поверить в высокое призвание священнослужителя, в целостность природы этого человека.

Отдельного разговора заслуживают карандашные зарисовки и дружеские шаржи М. Копьева. В них он выступает не просто блестящим рисовальщиком, но и тонким психологом, умеющим подметить в человеке его индивидуальность, а затем "возвести ее в степень смешного". И при этом - не обидеть тех, кого нарисовал. Такое удается далеко не каждому.

Когда-то Винсент Ван Гог написал: "Чем больше я думаю над этим, тем сильнее я чувствую, что не существует ничего, что было бы художественнее, чем любовь к людям". Именно такая любовь и высокая внутренняя культура М. Копьева делают выставку весьма заметным событием в художественной жизни Вологды в канун ее 850-летия.

Исаак ПОДОЛЬНЫЙ,
профессор кафедры
химии ВГПУ.